

За высокое качество художественной литературы и принципиальную критику

Накануне юбилея
А. Н. Радищева

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ НАД РАДИЩЕВЫМ

В июне 1790 года был арестован А. Н. Радищев за напечатание в домашней типографии своей книги «Путешествие из Петербурга в Москву». В течение нескольких месяцев происходило следствие и судебное разбирательство его дела. Документы эти имеют огромный историко-культурный интерес. Но до сих пор они были известны не полностью. Важная часть материалов — почти все судебное разбирательство петербургской Уголовной палаты считалось пропавшим. Недавно оно обнаружено в архиве петербургских губернских учреждений доктором филологических наук А. Старцевым.

В числе новых материалов — документы, уточняющие историю печатания «Путешествия» — показания служащих петербургской таможни (его заведывавший Радищев полагался печатать книгу; показания слуги, который сжег находившийся на квартире Радищева еще не переплетенный тираж «Путешествия»). Только несколько десятков экземпляров было передано писателю книгопродавцу и отдельным лицам.

Эти материалы, в числе других, войдут в книгу А. Старцева «Дело Радищева». Из 104 документов, печатающихся в книге, 44 публикуются впервые, а остальные исправлены и дополнены по подлинникам. Одной из первых читательниц «Путешествия» была Екатерина II. Она поняла опасность книги для самодержавия и тотчас отдала приказ главе Тайной экспедиции Шешковскому арестовать Радищева и изъять крамоульную книгу. Начались обыски — полиция искала покупателей «Путешествия». Через некоторое время отобранные экземпляры книги были переланы петербургским губернатором Коновальником в Тайную экспедицию для сожжения.

Читая «Путешествия», Екатерина делала попутно многочисленные заметки. Они пополнили директивную Шешковскому, и на основании их были составлены «вопросные пункты» для допроса обвиняемого в Тайной экспедиции. Многие исследователи полагают, что заметки были сделаны Екатериной на полях книги, экземпляр которой утрачен. Но недавно, в Государственном архиве древних актов были найдены и подлинники этих записок.

Большой интерес представляют материалы из дел Тайной экспедиции, свидетельствующие о том, что суд был грубой инсценировкой, прикрывавшей беззаконную расправу над писателем. Протоколы второго департамента сената, где заочно разбиралось дело, доклад рапорт петербургского главнокомандующего графа Брюсса об исполнении приговора над писателем, переписка Брюсса с комендантом Петропавловской крепости, где находился в заключении Радищев, и многие другие материалы впервые станут широко известны читателям.

ВЫСТАВКА В УЗБЕКИСТАНЕ

ТАШКЕНТ. В Узбекистане идет подготовка к радищевским дням. На предпринятых и в колхозах устраиваются беседы. В помощь агитаторам издаются на узбекском языке материалы на тему «Радищев — первый дворянский революционер и просветитель». Госиздат республики выпускает брошюру — очерк о жизни и деятельности писателя-революционера. В Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР и Ташкентском доме литераторов готовятся юбилейные выставки.

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ДНЕПРОПЕТРОВСК. Во дворе культуры металлургического завода имени Дзержинского, в городских клубах рудника имени Коминтерна в Криворожском бассейне и рудника имени Ворошилова «Николай Маргариш» состоялся вечер, посвященный творчеству и общественной деятельности А. Н. Радищева. В Днепропетровске, Николаеве, Кривом Роге организуются читательские конференции, оборудуются выставки.

Украина —

Давиду Гурамишвили

МИРГОРОД. (Наш спец. корр.). Большую часть своей жизни прожил на Украине великий грузинский поэт XVIII века Давид Гурамишвили. В селе Зубовке около Миргорода и в самом Миргороде написал он свои прекрасные поэтические произведения, в которых воспел единство братских народов — русского, украинского и грузинского. Тут написал он и свою знаменитую книгу «Давытшани», ставшую теперь широко известной советским читателям.

Умер Давид Гурамишвили в Миргороде, но только спустя полтора столетия было найдено место его погребения. В воскресенье, 7 августа, в торжественной обстановке на могиле состоялась открытие памятника.

В Миргороде в этот день прибыла из Грузии делегация в составе писателей Сандро Шанишвили, Калло Каладзе, Бесо Женти, поэты Микаэла Мревлишвили и члена корреспондента грузинской Академии наук проф. Александра Барамидзе. От Союза советских писателей СССР присутствовал В. Гольцев. Большую группу деятелей украинской культуры возглавил заместитель председателя Совета Министров республики Никола Бажан. В Зубовке состоялся митинг, после которого на здании средней школы была установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте стоял дом, в котором жил в 1738—1758 гг. и в 1763—1792 гг. классик грузинской поэзии Давид Гурамишвили».

В Миргороде, на старом кладбище, где 157 лет назад был похоронен Давид Гурамишвили, собралось много народа. Пришли с венками и цветами тысячи трудящихся города, приехали колхозники окрестных сел. На митинге с яркой речью выступил Павел Тычина.

— Давид Гурамишвили, — сказал он, — дорог и близок украинскому народу. Его творчество стало для нас тем мостом, на котором в XVIII веке встретились грузинская и украинская культуры. Живя на Украине, грузинский поэт овладел украинским языком, изучил наше народное творчество и писал песни на украинские и русские мотивы. Открытие памятника Давиду Гурамишвили будет служить братскому единению народов.

Б. Женти, выступивший от Союза советских писателей Грузии, передал Украине глубокую благодарность грузинского народа за любовь и внимание, которыми окружена память классика грузинской поэзии.

На митинге выступили В. Гольцев, А. Барамидзе, секретарь Полтавского обкома КП(б)У тов. В. Волгин. Хор и оркестр исполнили Гимн Советского Союза. Под его звуки был открыт памятник — обелиск из черного украинского лабрадора, с барельефным портретом Давида Гурамишвили. Памятник построен по проекту архитекторов Ш. Ченя, К. Джанаши и скульптора К. Ража. У подножия памятника возложены венки.

А. ФАДЕЕВ

В начале своего доклада А. Фадеев говорит о большом воспитательном значении для писателей и их организаций статей партийной печати о пьесах А. Софронова «Барьера Бекетова» и В. Кожанникова «Опенная река». Он останавливается на крупных идейно-художественных недостатках, присущих этим пьесам.

Но ведь подобно рода недостатки, — говорит далее А. Фадеев, — были еще совсем недавно вскрыты в известном постановлении ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению».

Некоторые писатели и критики высказывают сейчас мнение, что вопросы повышения художественного качества произведений литературы возникли будто бы после разоблачения антипартийной группы театральных критиков и разгрома групп безродных космополитов в литературной среде. В таком взгляде заключается косвенное предположение, будто бы в прошлом принадлежала безродным космополитам. Но такой взгляд на вещи по меньшей мере наивен. Критики-космополиты действительно пытались выдать себя за «переходных борцов» за художественное качество. Но наша общественность, печать, критика с достаточной убедительностью всерили, что это только маска, и разоблачили критиков-космополитов как людей, хлудящих преклоняющихся перед худшими образцами современного буржуазного искусства и по существу являющихся невеждами.

По вопросам социалистической эстетики существуют указания наших учителей — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. На протяжении всего нашего литературного развития Центральный Комитет коммунистической партии в своих постановлениях неоднократно ставил эти вопросы перед писателями.

Советские литературоведы и критики могли бы очень многое сделать в развитии наших эстетических взглядов, если бы всерьез занимались критическим освоением и переработкой великих литературных традиций русских революционных демократов.

Конечно, русские революционные демократы не могли достичь того понимания партийности литературы, какое стало теперь господствующим среди советских литераторов благодаря разработке этого важнейшего теоретического вопроса Лениным и Сталиным. Но русские революционеры-демократы лучше, чем кто-либо другой в прошлом, разработали вопросы об общественном значении литературы, об организующей роли идей в художественном произведении и о соответствии художественной формы содержанию, создав последовательную и целостную эстетическую теорию.

«Каждое произведение искусства непременно должно рассматриваться в отношении к эпохе, к исторической современности, и в отношении художника к обществу...», — говорил Белинский.

От глубины основной идеи и от силы, с которой она организуется в отдельных особенностях, зависит большая или меньшая художественность романа», — так полагал Белинский значение содержания и организующую роль идей в художественном произведении.

Белинский, как и все революционные демократы, прекрасно понимал все значение художественной формы в произведении, подробно анализировал особенности и характер художественного таланта каждого писателя, доводя этот анализ до мельчайших особенностей стиля и языка.

Предъявляя исключительно высокие требования к художественной литературе, Белинский никогда не подходил к ней с абстрактным мерилом. То, что можно предвидеть Пушкину, нельзя, скажем, предвидеть Погодину или Крылову.

Белинский рассматривал художественное произведение как единый организм, где — гармоническая соответственность частей с целым, благодаря «единству мыслей». В произведении художественно совершенном — «строгое соразмерное распределение ролей для всех лиц, наконец... окончательность, полнота и замкнутость целого».

Одним из образцов такого эстетически целостного анализа художественного произведения является исключительный по смелости анализ произведения Лермонтова «Герой нашего времени». Как известно, это произведение состоит из отдельных повествований. Белинский, рассмотрев мироздание Лермонтова, как писателя, который жил и творил в промежуточную эпоху, когда декабризм был уже разгромлен, а новый общественный подъем еще не начался, определял героя романа Печорина, как тип, порожденный безвременьем, тип человека, не могущего найти общественного применения своим силам и глубокого в отрешения индивидуализма.

Далее, анализируя разнообразие формы строения каждой из частей, слагающих вещь в целом, Белинский с железной логикой доказал, что фрагментарная форма произведения Лермонтова наиболее экономно и в то же время полно и точно выражает те стороны жизни и характера Печорина, которые нужны автору для выражения главной мысли.

При исключительном внимании к анализу особенностей художественной формы Белинский извещательски относился к современному ему «формализму».

Белинский точно формулирует задачи литературной критики: «Критика историческая без эстетической, и наоборот, эстетическая без исторической будет односторонней, а следовательно, и ложной».

Современный читатель не может не согласиться, что эти высказывания Белинского очень современны и очень своевременны. Особенно важно для нас, советских писателей старших и особенно молодых поко-

лений, отношение Белинского к художественному труду. Все виды искусства «сначала гению не даются без тяжелого продолжительного труда и, что всего хуже и обиднее для романтиков, сначала труда чисто материального и механического».

Советские писатели — новаторы в литературе прежде всего потому, что они показывают историческое становление коммунистического общества и его морали. И именно поэтому советские писатели больше, чем кто-либо из писателей прошлого, — за совершенство художественной формы, за прекрасное, за красоту.

В советской литературе уже созданы художественные образцы, по которым можно равняться, по которым можно учиться, — начиная с творений великого Горького. За последние годы вышло немало произведений высокого идейно-художественного уровня, созданных писателями разной творческой индивидуальности и характера дарований. Назову, для примера, несколько произведений художественной прозы писателей старших поколений: «Первые радости» и «Необыкновенное лето» К. Федина, «Степное солнце» П. Павленко, «Повесть о детстве» Ф. Гладкова, «Абай» М. Ауэзова.

Конечно, и этим произведениям присущи некоторые недостатки. В чудесном романе К. Федина «Необыкновенное лето» с его полнокровным изображением жизни, труда и борьбы людей из разных слоев советского общества не выполнены, однако, в художественные образы большие темы советской государственной политики, военной стратегии в 1919 году — это решение в том году гражданской войны: автор выразил эти темы публицистически-хроникально. В «Повести о детстве», свидетельствующей о том, что незаурядный талант ее автора продолжает расти (это находил свое выражение в силе и выуклости характера, в прозрачном, чистом народном языке повести), встречаются еще излишне натуралистические сцены, где правда художественная уступает место правде филологической.

Роман М. Ауэзова «Абай», написанный захватами казахской степи, раскрывший нам целый мир жизни казахского народа во второй половине прошлого века, давший монументальный образ казахского поэта-просветителя, местами излишне растянут. Кроме того, в первой книге романа, как это уже отмечалось критикой, борьба родов показана более подробно и выукло, чем борьба казахской бедноты против богатеев.

Но при отдельных недостатках — это все прекрасные творения советской литературы последних лет.

Назову некоторые книги писателей более молодых поколений, принесших с собой хорошее знание советской жизни. «Белая береза» М. Бубеннова, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабавского, «От всего сердца» Е. Мальцева, «Честь смолodu» А. Первенцева. Авторам этих книг присуще чувство нового, и их художественный талант подчас стихийно находит своеобразные формы для выражения себя. Однако не все из них воспитали в себе необходимую культуру художественного труда.

Наибольшей тщательностью работы над характерами героев, над словом, сюжетом отличаются М. Бубеннов и Т. Семушкин. Чувствуется любовь к слову и у Е. Мальцева. Но роман «От всего сердца» так же, как и предыдущий роман того же автора «Горячие ключи», свидетельствует о том, что Е. Мальцев не умеет еще композиционно строить свои произведения.

Автор романа «Кавалер Золотой Звезды» тоже внимательно относится к художественному слову, фраза его проста, эмпирична, поэтична. Но писатель еще не научился отделять ненужное, второстепенное от главного и необходимого в романе: роман его можно было бы сделать экономнее. Конфликты в произведении Бабавского могли бы быть более драматичными и напряженными, как это бывает в борьбе за новое в реальной колхозной жизни.

Нужно сказать, что композиция произведений является наиболее уязвимым местом в работе многих писателей старших и молодых поколений. Так, например, роману Ажаева «Далеко от Москвы», одному из наиболее крупных (по масштабу изображенных событий) произведений из названных мною, тоже свойственна известная композиционная рыхлость — к концу роман производит впечатление хроника.

Роман А. Первенцева «Честь смолodu», художественные достоинства которого неоспоримы, обладает, если можно так выразиться, «перенасыщенностью», правда, в меньшей степени, чем его предыдущий роман «Огненная земля».

Роман, как и жилищную площадь, вредно заселять большим числом людей, чем положено «по норме». Этот недостаток, как известно, критика отмечала и в романе «Молодая гвардия». В романах Первенцева слишком много лиц, на которых автор не времени и места подробно останавливается. Это означает, что эти лица в романе вообще не нужны.

Серьезную критику со стороны читателей вызывает роман Ф. Панферова «В стране поверженных». Автору роману, который является продолжением ценного романа того же автора «Борьба за мир», действительно присущи многие слабости. Конечно, в нем есть и некоторые достоинства. Как известно, Ф. Панферов всегда стремится к темам современности, он стремится освещать и поднимать такие вопросы и стороны жизни, которые не осветили и не подняли другие писатели.

В замысле нового романа Ф. Панферова входило показать глубокий немецкий тыл и фронт, от рядового немецкого жителя до зверного логва Гитлера, от рядового немецкого солдата до гитлеровского военного штаба, показать героическую работу советской разведки в тылу врага, полную работу немецких коммунистов против гитлеровского государства и пробужденное сознание немецкого народа к концу войны.

Если учесть, что в романе «Борьба за мир» автор показывает наш фронт и тыл, а в новом романе также партизанскую борьбу советских людей на временно оккупированной территории, то нам станет ясно, что мы имеем дело с действительно

крупным художественным замыслом. Но в романе «В стране поверженных» замысел автора не нашел себе художественного воплощения. Можно говорить об отдельных более или менее удачных сценах, но в целом на романе лежит печать небрежной, неряшливой работы. Особенно обращает на себя внимание небрежный язык. Многие сюжетные ходы не оправданы, не мотивированы, художественно не доказаны, воспринимаются как искусственные, — читатель им не верит; характеры не доработаны, крупным идейным недостатком произведения надо считать поверхностное изображение политического представителя партии в партизанском отряде Гуртина.

Тов. Благов из Москвы пишет: «И люди неряшливы и поступки их неряшливы. Так в жизни не бывает». Об этом же говорит тов. Морозов из поселка Старая Вишуга: «После книги «Борьба за мир», которую читал с неслабевающим интересом и вниманием, не верится, что роман «В стране поверженных» написан тем же автором... Если в книге «Борьба за мир» реально и жизненно описана действительность нашего времени, то «В стране поверженных» — ...выдумка».

«Редакция «Октябрь» отнеслась к роману Панферова не критично», — пишет Т. Благов. «Редакция журнала «Октябрь» поспешила опубликовать недоработанное произведение», — вторит ему тов. Яблонов из Баку. «Удивительно, как редакция журнала «Октябрь» могла дать согласие на печатание романа, на котором от начала и до конца есть печать натушности, поспешности», — поддерживает этот справедливый упрек и т. Кубатьян. Ф. Панферову следовало бы прислушаться к голосу читателя-друга.

Примеры небрежной работы писателей старшего поколения пагубно отзываются на литературной молодежи. В выпущенной недавно издательством «Советский писатель» повести А. Черкасова «В стороне сибирской» много натуралистических подробностей, от которых автор мог бы освободиться, если бы издательство поработало с ним.

Под флагом новой советской тематики в наших издательствах и в журналах продолжают печататься вещи сырые, неряшливые, торопливо и поверхностно написанные.

Волонеры волок влак, волонеры ветхих долин, на волонеры ветхих флагов и фокот соловьиный. Гортанный гомон галок, свиста плавни далак, весна в глазах болгарок глубоких, волонок...

Болгарские слова «влак» — презрительное название — горы объяснены Н. Гривачевым в сноске, но дело не в этих словах, а в том, что эти стихи написаны чуждой интонацией. А кроме того, к кому относятся эпитеты «глубоких, волонок»? Если к болгаркам, то к ним не подходит эпитет «глубокая», а если к глазам, то к ним не подходит эпитет «волонок», потому что «волонок глаза» означают «глаза с большими глазами» (см. словарь Ушакова, т. I).

Приведу еще пример, что происходит с поэтом, если он, насладившись формальством, из полемического задора использует неподходящую форму для новой, социалистической темы. Это случилось с С. Кирсановым в его поэме «Небо над Родиной». Некоторые критики считают поэму «новаторской». Но форма этого произведения не новая. Нет, она заимствована у абстрактных романтиков поэтов прошлого, с характерными для такой поэзии отсутствием человека. Автор хотел показать глубину советского патриотизма, величие и бессмертие подвига советского человека. Но в поэме действуют и разговаривают облака, земля, дождь, даже мотор и нет человека. Тема советского патриотизма поменялась абстрактной темой «жизни и смерти». Эта поэма талантливо в частностях, а в целом скучна. Сказанное мною не должно снимать того обстоятельства, что у Кирсанова написано немало и хороших советских стихов.

Совершенно непростительно профессиональному поэту А. Адалис включать в сборник «Восточный океан» такое неряшливое стихотворение, как «Неправда и неправда», где соседствуют ложная экзотика и уличные вульгарные выражения:

В лесах Борнео лебди хмуры, — Там льодолеи и пещеры... К добру ли о «ларах культуры»? Пошли трепаться лицемеры?

Ускользают по горной дороге Вереницы малюток авто... В христианской-грустной беседе, В христианской любви горячи. Прочь уходит эсры и леда, И духовники их, и врачи.

4. При всех недостатках советской драматургии, мы и в этой области имеем немало талантливого, подлинно нового: «За тех, кто в море!» Б. Лаврентева, «Великая сила» Б. Ромашова, «Русский вопрос», «Чужая земля» К. Симонова, «В одной стране...» Н. Вирта, «Московский характер» А. Софронова, «Закон чести» А. Штейна, «Зеленая улица» А. Сурова.

Б. Ромашов в «Великой силе» первым из советских драматургов разоблачил многолюдство отдельных представителей советской интеллигенции перед западной буржуазной культурой. Пьеса Б. Ромашова отличается высокими литературными достоинствами. Но этой пьесе присущ один характерный для нашей драматургии художественный недостаток: весь личный драматический «конфликт» — взаимоотношения профессора Лаврова с женой — не связан с основным общественным конфликтом в пьесе. Талантливый пьесец Прокушевский характер А. Софронова тоже присущ этот недостаток: общественный конфликт уже разрешен в третьем акте, а личный конфликт между главным героем пьесы и его женой еще продолжается в четвертом акте. Здесь я вынужден напомнить высказывание Белинского о необходимости гармонической соответственности в произведении отдельных частей с целым, о необходимости строго соразмерного распределения ролей для всех лиц и, наконец, о полноте и замкнутости

К гастролям Государственного театра драмы Латвийской ССР

Сегодня в помещении Московского Государственного театра начинается своя гастрольная программа Государственный театр драмы Латвийской ССР.

Латвийский государственный театр драмы в культурной жизни нашей республики, в истории ее развития занимает видное место. Он дорог сердцу каждого латыша, как выразитель лучших его стремлений.

Первые зачатки этого театра можно проследить уже в 1917 году, но жизнь его по-настоящему началась в 1919 году, когда в Риге заделали советские знамена. Советская Латвия тогда просуществовала всего лишь пять месяцев — с декабря по мая, но эти пять месяцев оставили глубокий след на всей жизни страны.

Латвийский народ сохранил в своем сердце верность знаменам свободы, в коммунистическая партия, ушедшая в подполье, неустанно и бесстрашно руководила героической борьбой трудящихся в самые тяжелые годы буржуазной республики.

23 февраля 1919 года Театр драмы показал свою первую постановку — пьесу революционного писателя Леона Паэгле «Воскресение». Боевой, революционный дух первых спектаклей Театра драмы, реалистическая манера исполнения, необыкновенное воодушевление, с которым играли актеры, сразу привлекли рижских зрителей.

Театр ежедневно был переполнен, зал не вмещал всех желающих, приходилось часть билетов передавать в профсоюзные организации, чтобы рабочие имели возможность посетить каждую новую постановку.

Деятели искусства в советские месяцы 1919 года руководил Андрей Улит, и его по праву можно назвать отцом латвийского советского театра. Его энергия и решимость, его преданность интересам рабочего класса привнесла замечательные черты латвийской культуре. Зимой и весной нынешнего года тридцатилетие отпраздновали и Театр драмы, и Театр оперы и балета, и Академия художеств, и Музей латвийского и русского искусства.

Дни рождения навеки связаны с Советами 1919 года. Так с высокого водорадела стекает во все стороны светлая река, так огни маяка указывают мореходам путь в ночную темь и бурю.

Театр драмы тесно связан и с великим Райнисом. Когда поэт после долгих лет эмиграции вернулся из Швейцарии в Латвию, он впервые увидел на сцене свои пьесы, которые были написаны на вдали от родины. Несколько лет (с 1921 по 1925 г.) Райнис был директором Театра драмы, и это были лучшие годы театра за все буржуазное время.

Буржуазные идеологи втягивали старались увести театр с реалистических позиций, стремились изолировать театральное искусство Латвии от русского театра. Но латыши давно и крепко полюбили русскую литературу; пьесы Гоголя, Островского, А. Толстого вездеход удавалось ставить и в те мрачные годы.

Самым тяжелым временем в жизни театра был период фашистской диктатуры Ульманиса. Театр не мог открыто пропагандировать прогрессивные, революционные идеи и вынужден был целиком углубиться в классику.

Освобождение, радость творчества принес с собой 1940 год, год, когда Латвия вошла в семью советских республик. Раскрылись перед нами просторы Советского Союза — сокровищницы русского искусства, многие тысячи латышей впервые познакомились с величайшими достижениями братских советских народов. Идея партии Ленина — Сталина вдохновляла латвийский народ на трудовые подвиги, помогала в творческой работе деятелям культуры Советской Латвии. «Любовь Яровая» Б. Тренева и «Разлом» В. Лавренева на сцене Театра драмы открыли новую эпоху

Б. ПЕСИС Космополиты — слуги реакции

«Американской партией» назвали трудящиеся Франции тот разносторонний политический сбор, из которого составляется лагерь французской реакции.

«Американская партия», руками которой осуществляется экспансионистский план США, действует и на идеологическом фронте. Все, что есть наиболее реакционного во французской буржуазной литературе и искусстве, ныне питается из мутных источников американской империалистической пропаганды.

В своей внешней роли агентов американской экспансии французские реакционные писатели и публицисты подготовлены опытом многолетнего служения злейшим врагам французского народа — немецко-фашистским претендентам на мировое господство.

Космополитизм, ныне проповедуемый «американской партией», является — в сочетании с расизмом — комбинированным оружием «пятой колонии», т. е. гитлеровской агентурой во Франции.

Еще в 1933 году, в черные дни захвата власти гитлеровцами, в реакционном журнальчике «Орд нуво» была опубликована изменчивая члехобитная французских космополитов «рейхсшандлер Гитлеру». В ней национальные границы объявлялись «абстрактными», а суверенные государства — «сбесформенными пространствами», подлежащими включению в «европейскую систему» под гитлеровским влом.

В период создания Народного фронта реакционные писатели пытались пустить в ход космополитизм для подрыва международного антифашистского движения в защиту мира и культуры. Как де Лакретель, этот агент Муссолини в звании французского академика, прямо отрицал право французского народа бороться за свою переходную культуру в союзе со свободными народами. Он призвал демократическую «теропию» насчет «космополитизма французского духа», согласно ко-

торой французской культуре отводилась роль «фильтра» для усвоения итало-германской фашистской пропаганды.

После поражения Франции космополитический «фильтр» взял в свои руки коллаборационисты. Выступая против литературы Сопротивления, они предлагали с помощью «чистой литературы» развивать во французском «вкус к забвению самих себя». Шардон, Дрие Ла Рошель, Монтерлан и прочие литературные прихвостли гитлеровцев всю свою изменническую пропаганду колонизации Франции вели под тем же лозунгом — «Европа против суверенных отечеств», которыми ныне орудут Черчилль и прочие вдохновители разбойничьего Северо-атлантического пакта. Неудивительно, что де Голь и его англо-американские хозяева рассматривали коллаборационистов как свои идеологические резервы и старались спасти их от гнева французского народа. С этой целью итало-германский орган «Фонтан», выходивший в Лондоне под маркой «журнала поэзии», выпускал специальные «микроиздания», которые сбрасывались во Францию английскими летчиками. Это были нацики тупо сирисованной лжи. — «Фонтан» насло требовал «не трогать» изменников, объявляя их преступления плодом «игры аристократических натур».

Предатели Франции не оставляли в долгу перед итало-германскими коллегами и заокеанскими заступниками.

А. Жид в «Дневниках» и «Воображаемых интервью», которые Лондон переписывала из гитлеровской прессы, воспевал одновременно Гитлера, как «вершителя судеб» Франции, в американскую «цивилизацию». По его собственному признанию, в американской гангстерской литературе ему открывались «глубины жестокой и циничной». В гангстерстве А. Жид нашел тот самый «идеал», к которому он стремился в своей многолетней пропаганде самых низменных инстинктов.

В секретариате ССП СССР

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

На заседании секретариата Союза советских писателей СССР обсуждалась шестая номер журнала «Звезда», вышедшие в этом году.

За время, прошедшее со дня опубликования исторического постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», советская литература, вооруженная указаниями партии, добилась больших успехов. Общий подъем советской литературы не мог не отразиться и на журнале «Звезда». Вслед за постановлением Центрального Комитета партии в журнале появились произведения, высоко оцененные советским читателем, удостоенные Сталинских премий.

Однако, несмотря на некоторые улучшения, журнал не стал центром литературной жизни Ленинграда, не обрел вокруг себя лучшие силы ленинградских писателей и не привлек к своим страницам писателей республик, края и областей.

Журнал ведется неумело, без творческой выдумки, без огня. В нем нередко печатаются серые, недоработанные, а порой и идейно порочные, художественно неполноценные произведения, как повесть Ю. Германа «Подполковник медицинской службы», пьеса Е. Минна и А. Минчковского «Успех».

Бесполезным и убогим выглядит в журнале отдел критики. За исключением статьи М. Луконина «Проблема советской поэзии», двух статей А. Дементьева и немногих других, нельзя назвать ни одного материала, глубоко, интересно поднимающего темы современной литературной жизни. Более того, редакция оказала мелкое услугу молодому критику Б. Платонову, поместив его теоретически безграмотную, непрофессиональную статью «Руководящий принцип советской литературы», редакция напечатала также ошибочное, путаное «Литературное обозрение» П. Громова и Б. Колесникова.

Секретариат ССП СССР заслушал сообщение Д. Левоневского о работе журнала. В обсуждении приняли участие А. Дементьев, Е. Ковальчик, А. Макаров, А. Прокофьев, Н. Тихонов, Б. Черский, А. Фадеев.

Выступавшие отметили, что портфель журнала пополняется случайными, «самочетными» материалами. Нарушена связь с читателями — первыми критиками нашей литературы.

В выступлениях говорилось о том, что главной задачей журнала является улучшение его основных отделов — отдела художественной литературы и отдела критики, который не ведет систематической борьбы с космополитизмом, буржуазным эстетством и формализмом, не понимает вопросы художественного качества произведений. Статьи вялы, безличны, не содержат критики. В редакции журнала нет любви к самокритике. Публицистика в журнале «Звезда» представлена, за редким исключением, неинтересными материалами. Журнал отстает от жизни, не отражает главных вопросов современности.

Секретариат решил укрепить редакционную коллегию «Звезды» новыми работниками и организовать помощь журнала.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Ленинград. Секция поэтов ленинградского отделения ССП подготовила к изданию второй сборник «На страже мира» (первый сборник вышел в 1948 году). Кроме стихов ленинградцев, в сборник включены произведения бакинских поэтов К. Давна, Л. Хакима, белорусских — М. Танка и А. Велогина, а также произведения болгарских поэтов В. Ханчева и Г. Бициня, корейских — Те-Ги-Чена и Ли-Ги-Ена.

Уфа. На совместных заседаниях секции прозы и критики Союза писателей Башкирии были обсуждены новые повести С. Агишева «Фундамент», А. Киреева «У подножья Нарыш-тау», А. Бикнетишева «Право на бессмертие». Х. Карим написал повесть «Светлая звезда». С. Кулибаев — «После битвы», Н. Нажми — «Мать», Г. Рамазанов — «Башикорстан». Большая группа писателей находится сейчас в творческих командировках в промышленных и сельскохозяйственных районах.

Махачкала. Дагестанское государственное издательство впервые после войны выпустило литературные альманахи на аварском и лезгинском языках. Народные поэты Гамзат Цадаса, Таир Хурицкий, поэт Гаджи Залов, молодая поэтесса Маша Гайрбекова посвятили свои стихи людям послевоенной пятилетки, социалистическому аду. В ближайшее время выйдет альманахи на ласком и даргинском языках.

Сергей МИХАЛКОВ ГДЕ ТЕМНО И ТЕСНО...

Маленькие дети любят играть в игрушки и рассматривать цветные книжки-картинки, заучивая на память стихи, сочиненные для них детским писателем. Важно только, чтобы эти игрушки, так же как стихи и картинки, были близки и понятны ребенку, чтобы они соответствовали его возрасту, развивали его воображение, мышление, вкус, любовь к родной стране, к родному языку.

Советская литература для детей может по праву считаться самой передовой детской литературой в мире. Проза и поэзия для всех возрастов насчитывают сотни названий книг, воспитавших не одно поколение советских ребят и составивших поистине «золотой фонд» детских библиотек.

Добротная советская книжка-картинка, написанная ясными, звучными и потому легко запоминающимися стихами, иллюстрированная хорошими цветными картинками, давно уже заменила старорежимную детскую книжку с ее вялыми, бездеятельными стихами и иллюстрациями.

Вот почему в потоке новых изданий ленинградского отделения Детлага недоуменно вызывает книжка С. Погореловского «Игрушки». Остается пожалеть полиграфистов и удивиться редактору, затратавшему свой труд на издание этой, отпечатанной на превосходной бумаге, ярко-красочной, но, тем не менее, бесцветной книжки.

Замысел автора не вызывает никакого сомнения. Действительно, нашему маленькому читателю безынтересно прочитать и посмотреть красивую книжку об игрушках: о заводном слове, о заводном змее, о плюшевом медведе, об игрушечном городе, словом, обо всем том, что несет с собой первые детские радости.

Но тексты С. Погореловского ни в какой мере не отвечают тем задачам, которыми должна отвечать советская дошкольная книжка. Убого и беспомощно звучат строфы С. Погореловского «Игрушки». Детства. 1948.

Я с хозяйкой своей Уезжал Из Москвы на далекий Урал. Мчался поезда и громко гудел, Я в окошко все время глядел.. (Плюшевский Мишка)

То просто плохой перевод с сентиментальных иностранных образов: Не слушайте маму — Так стыдно и галко! Перечить, упрямиться Я не терплю! («Кулка с закрывающимися глазами»)

То откровенная разублаженная частушка, рассчитанная скорее на подгулявшего парня-весельчака, чем на дошкольника: Я меня — Каблук с набойкой; Под трешит, Как в плюс поиду! У меня — Характер стойкий, Я в беде Не пропаду! («Петрушка»)

Явная небрежность и пошлость автора в работе над стихом приводит к ничему не оправданному повторению одинаковых слов, стоящих рядом в одной строке: «вместе, вместе», «езде, езде», «медленно-медленно», «думал-думал», «всем известное, всем известно», «нет, не надо, нет, не надо», «дорогу, дорогу», «скоро-скоро», «знамена, знамена» и т. д.

Читатель М. Борсюк из гор. Чкалова в своем письме отмечает небрежность, которую проявило Государственное издательство художественной литературы при издании однотомника Пушкина (Отп., 1946 г., редактор С. Петров).

«В повести Пушкина «Калитская дочка» мы на 241 стр. читаем, что Хлопуша будто бы сказала: «...По я губил супровивника, а не гостя; на золотом перепутьи да в темном лесу, по дома, сня я по чью; итением в обухом! а не было заминю». Мы знаем замечательное произведение Пушкина. Сцены пребывания Гривева в стане Пугачева и, в частности, своеобразная психология Хлопуши не могли не привлечь пристального внимания читателя, который хорошо помнит, что высказанная фраза Хлопуши заканчивается так: «...итением в обухом, а не бабым наговором».

Нам поразило такое грубое и необъяснимое искажение текста. Однако наше внимание возросло, когда на 198 стр. мы в списке наших помощников и бессмысленный перевод всем известного каламбура в «Дубровском». «Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше, — закричал Антон Пафнутич, спрягая с грехом попомом русский глагол тушу на французский лал. — Я не могу дормляр в потемках». Эта фраза, появившаяся в тексте самим Пушкиным, получила вдруг неожиданный перевод: редакция: «Зачем трогаете вы, зачем трогаете вы?»

Затем же вы, товарищ редактор, «трогаете» подлинный текст Пушкина, искажая и выходящая за пределы смысла блестящего пушкинского каламбура?»

Н. Гронов (Москва) в своем письме поднимает важный вопрос о качестве литературных переводов. Он отмечает, что некоторые переводчики и редакторы допускают в переводных произведениях неточности, а подчас и грубые ошибки, выражения. Вот, например, какие «словечки» попадаются в романе Г. Фадла «Каждый умирает в одиночку» (Издательство иностранной литературы, 1948 г., перевод И. Татариновой, В. Станевич, Н. Касаткиной): «сисузю», «он втрескался», «слорчич» и т. д.

В раскиске Момассана «Шер и Жал» (Полное собрание сочинений Момассана, т. 9, Гослитиздат, 1948 г., перевод М. Соколовой) фигурирует «смолая дама, которая погнала жениха». Здесь же имеется и такая фраза: «Чтобы избежать друг друга (?), их глаза приобридли необыкновенную возможность, как бы уловки (?) протпникова, былише столкновения».

В переводе романа Гонора Фаста «Последняя граница» (Издательство иностранной литературы, 1948 г., перевод А. Озенич-Гвеченко по редакции В. Станевич) есть такая фраза: «Он явился... в шталах, носилх пятнатушк повр-рх ночной рубах». Во многом неудовлетворителен перевод пьесы Гюльстедта «Сати о Форсайтах» Галеуэрен (издание 1946 г. по редакции М. Лорне). В переводе «Сати» очень много вульгаризмов, например: «заделался либералом», «страховач», «принло девять дней с его письма» и т. д. Есть неправильные, явно безграмотные выражения: «Вал пусталя форт карьером», «Захватил допик, чтобы предотвратить дождь (?)». Сам отправился на станцию». Таких примеров можно привести еще очень много.

На культуру переводов должно быть обращено гораздо больше внимания. Нужно особенно тщательно относиться к их редактированию.

Редакция «Литературной газеты» получила письмо от секретаря Волковыянского РК РКМСУ Камелен-Половской области Ф. Бадеева. Вот, что он пишет: «В журнале «Октябрь» № 5 за 1949 год напечатан цикл стихотворений Н. Трипанна «Колосья». Читая эти стихи, невольно задаешь себе вопрос: «О чем думал автор, творя такие «перлы» поэзии? Куда смотрел редактор, подписывая их к печати?»

Вот стихотворение «Первая борода»: Плуг трогает плуга, под шестом пластов, Тронулся разом с обоих концов. Мне хочется обратиться ваше внимание на такие строки:

А в этот слет на плотничьем подлеме Наш глазомер — по всем метрикам. И пусть вон дудит мистер в Белом доме За наш дозор не кланется нам.

Вот уж поистине: «В огороде — бузина, а в Глеве — дядька». Встречая я на колхозных полях густые, косматые, высокие хлеба, но такого еще не приходилось видеть: Будет смел и высок ее хлеб на полях звеньевых... («Песня о хлебе»)

Пожалуй, того и гляди, после «селего» хлеба на полях появятся «отчаянные» шевели и чечевича. В этом же стихотворении у Трипанна «распускается розь». Думаю, някто не станет оспаривать того, что розь может колоситься, цвести, но уж «распускается» никак не может.

А вот еще одно четверостишие: Полегли в стога большие травы, И галдит шальное воронье. Покрытая митингом и славою Наше величавое жилище.

Неужели героический труд колхозного крестьянина достоин только того, чтобы его «покрывало митингом и славою» какое-то «шальное воронье»? Я не могу дать детального анализа

реакционной литературы — «навоички» американских агентов во Франции.

Реакционные писатели вытаскивали из архивов римской истории Калпула. Как известно, этот император мучил о том, чтобы и человечества была одна голова, что позволяло бы одним махом обезглавить его. Калпула — несомненно всемирного империалистического палача, «гражданин мира» с топором, мечтательный снести гордые головы суверенных, свободных народов, обезглавить человечество.

Американскому Калпуле нужны ораженности, жадательно из «оничных» палачей. И вот Симона де Бовуар, снодвжннда Сартра, дама, необыкновенно чуткая к запросам империалистической пропаганды, сочиняет удивительно глупую и злобную «историческую» сказку — своего рода обращение к безграмотным гаулейтерам, желающим устроить свой «мировое правительство». Гаулейтер госпоже Бовуар, проявившись у себя на родине, бродит из страны в страну в качестве космополитического «консультанта» при разных калгулах и усмирителях.

Сейчас, когда миллионы простых людей, вынужденных войной против фашизма, демонстрируют свою решимость отстаивать дело мира, литературные лакеи американских атомщиков пришли в смятение. Десятки предателей, стоявших в непах «Житого дьявола», старались дождь и клеветой доказать, что никакой народной войны против гитлеризма не было и что успешная борьба масс за мир также невозможна. Во Франции клевета реакция на движение Сопротивления является одним из методов диверсий против движения за мир, в котором руководящую роль играет антифашистский авангард, вывоаванный в бой против нацизма.

Не случайно американская пропаганда войны широко пользуется услугами т. н. «эскизистов-ялловцев» и их вожака Сартра, «раскремационистов» себя диверсиями против движения Сопротивления, против коммунизма и всех французских патриотов. Когда блон-социалиты, лизуганные стойкостью тремплайонной ярия забастовщиков, прогизова «связать Францию

жигать пожар новой войны, нужной американскому империализму. Литература «американской партии» служит средством морального разложения людей, она помогает американской военной готвить Улла-стриты «кадры» залезев, подобно тому, как это делал германский фашизм.

Нет и не может быть ничего общего между мелкими «форерами» от литературы вроде Сартра, проповедующими рабство и разбой, и людьми живыми...

«Живые борются!» — сказал вселд за Виктором Жоо французский писатель-коммунист Жан Лафонт, герой Сопротивления, один из организаторов движения борьбы за мир.

Силы мира, возглавляемые Советским Союзом, превосходят силы войны, которую подготовила американский империализм. Прозвучавшие, как лавина, слова: «Французский народ никогда не будет воевать против СССР!» нашли отклик у трудящихся масс всего мира.

Борьба за мир — это борьба за жизнь! Задача передовой французской литературы, журналистики и выразительными лучших исторических традиций своего народа, свято хранившей боевые заветы Сопротивления, показать, что единство народов, замкнувших мир, неопознано.

Успехи демократической прогрессивной литературы Франции радуют и вдохновляют всех честных людей страны. Рядом с Арагоном, Элюаром, Лафонт, Плом Могамом и другими становятся в строй молодые талантливые писатели, начинающие свой творческий путь боевой темой «Сопротивления» — сопротивляния американским порождениям Франции.

Эти писатели стоят на страже суверенитета французского народа. Это стоители подлинной, передовой французской культуры.

Литературная газета № 64

3

